

ОЛЬГА ГЕННАДЬЕВНА ТВЕРДОХЛЕБ

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики преподавания русского языка филологического факультета

Оренбургский государственный педагогический университет (Оренбург, Российская Федерация)

ogtwd@gmail.com

СОЧЕТАТЕЛЬНЫЙ ПОВТОР СОМАТИЗМОВ В ПОЭЗИИ АНДРЕЯ БЕЛОГО

Статья подводит некоторые итоги изучения наименований частей тела человека (соматизмов) в поэзии Андрея Белого. Проведенный в работе анализ показал сложную эстетическую систему Андрея Белого, межтекстовые образные связи в которой устанавливаются путем повторного включения наименований частей тела человека с определенными реалиями, событиями действительности (112 контекстов; примерно 10 % от всех конструкций, включающих соматическую лексику). Обосновывается идея о том, что в поэтическом творчестве Андрея Белого сочетаемость повторы соматизмов с одинаковыми компонентами, вводимыми поэтом на протяжении всего творческого пути в разные стихотворные произведения для изображения многообразных поэтических картин и образов, персонажей и деталей, связывают его стихи «в единый текст», отображая эстетические задачи автора, целостность его исходного творческого импульса. В работе акцентируется внимание на грамматическом аспекте сочетаемости повторов соматизмов в поэзии Андрея Белого, являющихся не только средством познания частей тела человека в процессе их названия поэтом, но и языковым приемом как для анализа соматической сферы в образно-понятийных связях, ее места в поэтическом мире Андрея Белого, так и для характеристики индивидуальности поэта. Показывается на иллюстративном материале, что в разнообразных поэтических творениях, написанных в различные годы, Андрей Белый: а) чаще использует сочетательные повторы соматизмов с глаголами, реже – с именами существительными и прилагательными; б) излюбленными глагольными лексемами, в синтаксическом окружении с которыми неоднократно включает одни и те же соматические лексемы, репрезентирующие обычно верхнюю часть тела человека: *лицо, голова, нос*, являются глаголы лексико-семантической группы «изменение положения тела». Результаты, полученные в работе, могут оказаться интересными для литературоведов, исследующих творчество Андрея Белого, а также найти применение в практике составления словаря поэта.

Ключевые слова: Андрей Белый, соматизм, повтор, ассоциативность, сочетаемость

Для цитирования: Твердохлеб О. Г. Сочетательный повтор соматизмов в поэзии Андрея Белого // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 7 (184). С. 96–103. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.393

ВВЕДЕНИЕ

В исследовательской литературе уже накоплен некоторый опыт анализа творчества А. Белого, чаще в литературоведческом аспекте ([3], [5], [6]). Но и в последние годы интерес к его творчеству не ослабевает ([1], [4], [10], [15], [16]). Однако работ лингвистического характера очень мало, среди них наиболее значима [7]. Возросшее внимание в современной науке к междисциплинарным исследованиям языковых особенностей в единстве с поэтикой делает наш анализ поэтического языка Андрея Белого актуальным.

Исследование проводилось на основе Национального корпуса русского языка¹ (далее все примеры, приводимые в статье, по этому источнику – НКРЯ). Так как нас интересовало функционирование в поэзии Андрея Белого одного из древнейших пластов лексики – соматической лексики, ключевой с точки зрения формирования, функционирования и концептуализации в разных языках и являющейся традиционным

образным средством языка (Т. И. Вендина, Д. Б. Гудков, А. А. Занковец, А. С. Киндеркнехт, И. М. Кобозева, В. В. Колесов, А. М. Кочеваткин, Г. Е. Крейдлин, А. А. Уфимцева, А. Д. Шмелёв и др.), – то в поэтическом подкорпусе НКРЯ, посвященном Андрею Белому (объем 505 документов, 7 562 предложения, 54 389 слов), был сделан запрос (**S r:concr & (pt:partb & pc:hum)**), выявивший значительное количество соматической лексики (351 документ, 1 104 вхождения, что составило 2,03 % от общего количества слов в выбранном подкорпусе).

ПОВТОРЫ В ТЕКСТАХ АНДРЕЯ БЕЛОГО

Андрей Белый обращал внимание читателей «Четвертой симфонии» на то, что

«надо понимать... сколько раз уже повторялась тема образа и какие образы ее сопровождали», так как «переживания, облеченные в форму повторяющихся тем», «представлены как бы в увеличительном стекле»².

И действительно, на важность повторов в структуре прозаических текстов А. Белого

указывали многие исследователи его творчества ([16], [17] и др.), отмечая, в частности, «повтор и возникшие на его основе сквозную тему и лейтмотив» как «основу организации текста в орнаментальной прозе», в которой «все связано, переплетено, объединено по ассоциации», а «опорные слова не всегда концентрируются в одном отрывке, от которого тянутся нити к другим» [8: 56], [57], [58]; либо «целые цепочки ассоциативных образов», «скрепляющих повествование» [18: 128]; либо «густоту» различных типов повторов как «носителей определенных семантических тем лейтмотива» [13: 146–147]; либо «образные и синтаксические параллельные структуры и общие атрибуты»; либо «точный или вариативный повтор» «на различных уровнях текста – композиционном, сюжетном, лейтмотивном, на уровне персонажей» [2]. Описаны основные типы повторов в его текстах (см., напр., [9]). Все эти работы посвящены анализу прозаических текстов А. Белого, в то время как к повторам в его поэзии исследователи обращаются крайне редко ([13], [19]). Поэтому мы в данной статье подробно проанализируем обнаруженный нами сочетаемостный, ассоциативный повтор, функционирующий в разных поэтических произведениях Андрея Белого.

Анализ нашей картотеки, насчитывающей более тысячи поэтических конструкций А. Белого, включающих соматизмы, показал, что поэт достаточно часто (112 примеров; примерно 10 % от всех конструкций, включающих соматическую лексему) располагает в стихотворном контексте рядом с лексемой-соматизмом одни и те же слова следующих частей речи:

- а) глагол (69 случаев);
- б) имя существительное (18 случаев);
- в) имя прилагательное (15 случаев);
- г) комбинированные повторы разных частей речи одновременно (10 случаев).

Опишем некоторые грамматические особенности сочетательных повторов, созданных Андреем Белым в разных поэтических произведениях и в разные годы в порядке убывания частотности.

СОЧЕТАТЕЛЬНЫЕ ПОВТОРЫ С ГЛАГОЛАМИ

Как свидетельствуют приведенные выше данные, Андрей Белый в своих стихотворных текстах наиболее часто включает соматические лексемы в синтаксическое окружение с одной и той же глагольной лексемой (69 контекстов) и обычно лексико-семантической группы «изменение положения тела»³. При этом обнаруживается многократный, тройной, двойной повторы.

1) Излюбленными глагольными лексемами, с которыми А. Белый неоднократно сочетает одни те же соматические лексемы (репрезентирующие обычно верхнюю часть тела человека: *лицо, голова, нос*), являются однокоренные гла-

голы лексико-семантической группы «изменение положения тела» *клонить, наклонить, склонить, клониться, склониться* (13 стихотворных контекстов):

а) часть тела «лицо» представлена двумя лексемами (6 случаев): ● нейтральная лексема *лицо* (в форме творительного падежа) употребляется с возвратными формами глагола *клониться*: *Своим белым лицом / Тихо клонится гений* (Золото в лазури. 1903); *И клонится лицом своим* (Мой друг. Философическая грусть. 1908); *Клонясь рассеянным лицом* (Вячеславу Иванову. 1916); ● стилистически высокая лексема *лик* (в форме винительного падежа) введена с невозвратными формами глаголов *клонить, наклонить*: *Так сказав, наклонил / Он свой лик многодумный...* (Безумец. 1904); *Клоню свой лик в лучах* (Смерть. 1907);

б) часть тела «голова» введена в поэтический текст с невозвратными и возвратными формами (причастной и деепричастной) одного и того же префиксального глагола *клониться* тремя лексемами (5 случаев): ● нейтральным именем существительным *голова* в форме творительного падежа: *Неживую головую / Над хозяйкой склонено* (Маскарад. Город. 1908). Ср. также использование соматизма *голова* при описании дня в контексте с олицетворением: *Над чащей склонясь / Золотой головой* (День. Трепетень. 1931); ● стилистически торжественным существительным *глава*; ● существительным с уменьшительно-ласкательным суффиксом *головка* в форме винительного падежа: *Я шел домой согбенный и усталый, / Главу склонив* (Голос. 1902); *Висит, как я, – склонив главу* (Мефистофель, первоначальный вариант. 1908); *...головку склонивши на грудь* (Прогулка. Просветы. 1904);

в) часть головы «нос» в ассоциативных сочетаниях (3 случая) с личными формами переходного глагола *клонить* репрезентирована либо именами существительными в форме винительного падежа: ● нейтральным: *Над вышкой песчаной / Клонил нос багряный...* (Осинка, 7. 1906) и ● с уменьшительно-ласкательным суффиксом: *И к коту клонит / свой носик и ротик...* (Полунощницы. Прежде и теперь. 1903); либо ● словосочетанием, обозначающим 'часть носа': *И клонит кончик носа снова* (Первое свидание. 1921).

2) Объектом изменения положения тела в стихотворных строках А. Белого с глаголом, представленным двумя своими супплетивными формами совершенного и несовершенного вида *сложить / складывать*, неоднократно становятся одни и те же соматизмы, репрезентирующие верхние конечности (10 стихотворных контекстов), в частности: ● нейтральное имя *руки*: *Сложивши руки, без борьбы* (Успокоение. 1904); *Мы побрели в гроба, сложивши руки* («Старинный друг, к тебе я возвращался...»). Старинный друг, 1.

1903); • существительное с уменьшительно-ласкательным суффиксом: *Плачет девка, ручки сложит* (Купец. Деревня. 1908).

Такие повторяющиеся поэтические контексты возникают неслучайно, потому что связаны в мироощущении Андрея Белого с одним и тем же образом другого поэта – В. Брюсова, ср.: *Взор опустишь, руки сложишь* («Грустен взор. Сюртук застегнут...». Брюсов, 2. 1904–1929); *Мертвый маг, сложивший руки, / Вставший в выси* («Свисты ветряных потоков...». Брюсов, 1. 1903–1929); с изображением мага, ср. предыдущие строки и следующие, где наблюдаем контактный трехкомпонентный повтор *руки – сложивший – маг*: *...застывший маг, сложивший руки, / пророк безвременной весны* (Маг. Образы. 1903).

Особо отметим в описываемой группе конструкций четыре трехкомпонентных повтора, в которых находим повторение еще одного • соматизма *грудь* (обозначенного во всех случаях именем существительным в форме «на + предложный падеж» в синтаксической роли обстоятельства места), ср.:

Паренек уходит во скитаньице; / Бель-руки сложит / На груди (Горе. Россия. 1906); *Издалека / Прошушукую милой Легким лепетом, / Руки складывая / На груди* / ... / *Руки складывая / На груди / К милой / Лепетом / Прилечу издалека* (Приходи. Просветы. 1907); *«И – падаю / Я, / Руки / Складывая / На груди!»* (Мое бремя. Исход. 1906–1929).

3) С глаголом нанесения удара *бить* и *ударить* (в личной форме, изъявительного и повелительного наклонения) А. Белый сочетает номинацию передней части тела человека, репрезентированную • именем существительным *грудь* (5 контекстов) в форме «в + винительный падеж» для обозначения направления удара:

Бил себя в грудь (Ты опять со мной. 1902); *Бьешь в стальную грудь ты тюльпаном?* (Безумец. 1904); *Докучно бьет трещотка / В его пустую грудь* (Шут. 1910–1911); *Войдет сквозняк, / Пугливо в грудь ударит* (Сантиментальный романс. Разуверенья. 1908).

Отметим дважды повторенное *ударь*:

Пространство черное, ударь, – / Мне в грудь ударь мечом разящим (Я это знал. Зима. 1908);

4) С глаголом изменения положения тела *покинуть* (в личной форме и в форме причастия) А. Белый сочетает номинацию верхней части тела человека, репрезентированную • именем существительным *голова*, причем во всех случаях (4 контекста) только в одной падежной форме творительного падежа:

Я поник головой (На закате. Багряница в терниях. 1901); *...поникла седой головой* («Года проходили... Угрозой седою...». Жизнь, 2. 1901); *...с головой поникшей* (Вечность. Образы. 1902); *Прижался: поник головой...* (На улице. Город. 1904).

5) С глаголом несовершенного вида *застывать* (в одной и той же форме настоящего времени, единственного числа, 3-го лица: *застывает*) творец соединяет сразу два соматизма: • *слеза* (в форме именительного падежа, в роли субъекта действия) и • *щеки* (в форме «на + предложный падеж»; в роли места действия) (4 случая, хотя и по два контекста в структуре двух произведений), ср.:

На кресте пригвожден... Умираю. / На щеках застывает слеза. / ... / Пригвожденный к кресту, умираю / На щеках застывает слеза («Там... в низинах... ждут с верой денницу...». Возмездие, 3. 1901); *В морщинах чела притаилась гроза. На бледных щеках застывает слеза. / ... / Кентавр – хоть бы слово: в затишье гроза. / На бледных щеках застывает слеза* (Песнь кентавра. Образы. 1902).

Приведенные примеры особенно показательны, так как в них все три повторяющиеся лексемы (*на щеках – застывает – слеза*) расположены поэтом на одной строке и в одной и той же последовательности.

6) С глаголом *установиться* поэт троекратно повторяет (хотя и в разных падежных формах) • соматическую лексему *лицо*, ср. беспредложные формы винительного и творительного падежа: *Вокруг установились на нас / Соболезнующие лица* (Свадьба. 1905); *Что установилась в дальнюю просинь / Ты лицом, побелевшим, как снег* (Побег. 1906); и предложную форму «в + винительный падеж»: *Установился столб полосатый / Мне цифрой упорной в лицо* (Шоссе. 1904). Добавим строки со стилистически возвышенной лексемой • *лик* в форме творительного падежа: *Ты установилась в дальнюю просинь / Бледным ликом, прозрачным, как снег* (Побег. 1906).

7) В синтаксическое окружение с двумя префиксальными родственными глаголами лексико-семантической группы «давление»⁴ в разных формах (личной и деепричастной) *прижать*, *сжать* (по 3 стихотворных контекста) А. Белый неоднократно включает одни те же соматизмы.

а) С глаголом *прижать* поэт употребляет для обозначения направления давления • соматизм *грудь*, репрезентированный именем существительным в форме «к + дательного падежа», ср.:

Взволнованно потом прижав / К груди взрыдающую гитару (Пир. 1905); *Грудь к груди прижав* (Предчувствие. Деревня. 1908); *Братоубийственную руку / Я радостно к груди прижал* (Ответ на посвящение (В. Брюсову). 1909).

Интересно, что последние строки являются откликом на строки стихотворения В. Брюсова: *Братоубийственную руку / Я на поэта подымал...*⁵, где Брюсовым использована другая глагольная лексема *прижал*. А. Белый же создает иную, близкую своему поэтическому мироощущению, синтаксическую конструкцию.

б) С глаголом *сжать* поэт употребляет номинации верхних конечностей человека, репрезентированные либо • именем существительным

руки в форме творительного падежа для обозначения орудия давления: Он крался, безжизненный посох / *Сжимая* холодной рукой (Каторжник. Россия. 1906–1908); либо • словосочетанием пальцы рук для обозначения объекта давления, ср.: *Молчал: но пальцы нежных рук*, / *Дрожа, сжимали стебли лилий* (Весенняя грусть. 1905); *Не сжимают черных четок / Пальцы рук твоих* (Ты. 1906).

8) Андрей Белый употребляет трижды в функции определения причастие *всклокоченная*, дважды контактно состыкованное поэтом с одним и тем же • соматизмом *бровь* (3): *И вновь – всклокоченная бровь* (Первое свидание. 1921); *Всклокоченная бровь – издрог* («Свет, – как жегло, и воздух – пылен...»). Брюсов, 3. 1907–1931). Отметим здесь и контекст, где то же самое причастие соединено хотя и с другой соматической лексемой *облик*, но семантически (часть – целое), безусловно, связанной с названием волосяного покрова на лице: *В лазури проходит толпа исполинов на битву / Ужасен их облик, всклокоченный, каменно-белый* (Битва. 1903).

9) В поэтических творениях, написанных А. Белым в разные годы, обнаруживаем по два словосочетания с главным словом с одной и той же глагольной формой (обычно с личной формой, единично с причастием и деепричастием) и зависимым именем существительным – соматизмом:

а) в роли объекта действия обнаруживаем: • соматизм *глаза*, дважды состыкованный с одной и той же формой глагола (прошедшего времени единственного числа) *зажмурить* (2): *Зажмурил глаза, но слезою...* (На рельсах. Россия. 1904); *...зажмурил глаза и ждет казни* (Битва кентавров. Образы. 1902); • соматизм *спину* – с личной формой (настоящего и прошедшего времени) глагола *гнуть* (2): *День-то весь спину мы гнули, / а к девяти я был здесь...* (Свидание. Прежде и теперь. 1902); *Спины гневно гну* (Вечерком. Россия. 1908); • соматизм *язык* – с личной формой (настоящего и прошедшего времени) глагола *показать / показывать* (2): *Здесь суматошливые фавны / Язык показывают свой* (Лес. Трепетень. 1931); *Великана сутулого / Ризы /... / Язык / Показал* («Великана сутулого...»). Лесные встречи, 2. 1903–1929); • соматизм *шею* – с личной формой (прошедшего времени) глагола и деепричастием от глагола *вытянуть* (2): *Он вытянул шею* (Песнь кентавра. Образы. 1902); *...испуганно вытянув шею* (Игры кентавров. Образы. 1903); • соматизм *бровь* – с личной формой (прошедшего времени) глагола и причастием от глагола *сдвинуть* (2): *Жених бледнел и брови сдвинул* (Преследование. Город. 1906); *Сдвинутая бровь* (Стар. Деревня. 1908);

б) в роли орудия действия обнаруживаем: • соматизм *губы*, дважды состыкованный с личной формой глагола *сосут* (2): *...разорванные солнечные части / сосут дрожаще-жадными*

губами («В очах блеснул огонь звериной страсти...»). Возврат, 3. 1903); *Сосут сосуды толстыми губами* (Возврат. Трепетень. 1902–1931);

в) в роли обстоятельства (место, направление, исходный пункт) действия обнаруживаем: • соматизм *голова* в предложно-падежной форме «над + предложный падеж», дважды состыкованный поэтом с одной и той же формой глагола (настоящего времени единственного числа) *катится* (2): *И катится над головой* (Встреча. В. Брюсову, 4. 1909); *И – катится над головой / Тяжеловесная лавина...* («Я обменял свой жезл змеинный...»). Брюсов, 6. 1909) и с формой глагола (будущего и настоящего времени) *простереть* (2): *В тот час, когда над головой / Твой враг прострет покров гробницы* (Угроза. 1905); *Над головой седой простер / Кремня зубчатого осколок* (На скате. 1906); • соматизм *уши* в предложно-падежной форме «в + винительный падеж», дважды состыкованный с формой глагола (настоящего и прошедшего времени) *петь* (2): *Так сиверко в уши поет* (Бегство. Горемыки. 1906); *И пели лунные лучи / В мое расширенное ухо* («И знаю я: во мгле миров...»). Карма, 3. 1917); • соматизм *руки* в предложно-падежной форме «из + родительный падеж», дважды соединенный с формами двух родственных глаголов (настоящего и прошедшего времени) *падать / выпасть* (2): *Тихо падает на пол из рук / сумасшедший колпак* («Я сижу под окном...»). Вечный зов, 3. 1903); *Мои пальцы из рук твоих выпали* (Осень. 1906).

СОЧЕТАТЕЛЬНЫЕ ПОВТОРЫ С ИМЕНАМИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫМИ

Лексему – соматизм Андрей Белый достаточно часто включает в свои стихотворные тексты с одной и той же лексемой – именем существительным (18 контекстов).

1) Самым частым случаем ассоциативного сочетаемостного повтора соматической лексики с именем существительным является повтор соматизма • *слеза* с другим именем существительным, тоже соматизмом, • *щека* (9 примеров), причем обычно в разных текстах, написанных Андреем Белым в разные годы: *И слезы на щеках дрожат...* (Сергею Соловьеву. Посвящения. 1909). Добавим двойной повтор в структуре одного поэтического творения: *На бледных щеках застывает слеза. / ... / Кентавр – хоть бы слово: в затишье гроза. / / На бледных щеках застывает слеза* (Песнь кентавра. Образы. 1902).

Отметим, что конструкции с описанными лексическими повторами характеризуются и грамматическим повтором. Имя существительное *слеза* практически во всех стихотворных текстах употреблено в форме именительного падежа единственного или множественного числа в позиции подлежащего (примеры выше); и лишь в единственном случае в форме творительного падежа в качестве объекта сравнения, ср.: *Из*

которой бежит на щеки / Сквозной / Слезой / Алмаз («Глянул / Замок / С отвеса...». Близкой, 2. 1911). А имя существительное щека поэт использует только в форме множественного числа, обычно в форме «на + предложный падеж» в обстоятельстве позиции места действия: На щеках застывает слеза («Там... в низинах... ждут с верой денницу...». Возмездие, 3. 1901), и только в двух конструкциях находим другие грамматические формы, ср. форму «на + винительный падеж» (отметим тот же предлог на): ...бежит на щеки / Сквозной / Слезой / Алмаз («Глянул / Замок / С отвеса...». Близкой, 2. 1911) и форму «по + дательный падеж»: По щекам старика / Покатились алмазные слезы (Сказка. 1902).

2) Несколько реже отмечаются сочетаемостные повторы • соматизма глаз с именем существительным алмаз (4 примера): Живой алмаз / Блестит из глаз (Антропософии. 1918); – Сверкни, / Звезды алмаз, / Звездою глаз / Моих! (Алмазный напиток. Тристии. 1908). Дважды здесь отмечаем использование поэтом лексемы алмаз в качестве объекта сравнения с соматизмом глаз:

Молнью стиснув, / Как алмазом / Поморгает / Ясным глазом («Бьет, как бивнем, / Хлещет бурей...». Лесные встречи, 4. 1903–1931); *Вас, как алмаз, / Палил / Мой глаз* (Рок. Черч теней. 1901–1931).

Включим в эту группу и поэтический контекст: *В светлоглазых алмазах роса* (Асе. 1913), где лексема алмаз состыкована поэтом со сложным прилагательным, одним из корней в котором является глаз-, а также два контекста, показывающие более тесную связь в поэтическом мироощущении А. Белого двух описываемых единиц: *Вставал алмазноглазый Спас* (Первое свидание. 1921); ...кусты – / Алмазноглазы (Лето. 1904), где в составе одного сложного прилагательного (в полной и в краткой форме) находим сразу два корня: алмаз- и глаз-. (О более сложном сочетаемостном повторе в последнем контексте см. далее.)

О предпочтительности поэтом ассоциации глаз – алмаз говорит и использование ее в качестве рифмовки (5 примеров; хотя и не в структуре одного простого предложения), ср.:

Не лепет лоз, не плеск воды печальный / И не звезды изыскренной алмаз, – / А ты, а ты, а – голос твой хрустальный / И блеск твоих невыразимых глаз (Сестре. Летние блески. 1926).

3) Лексему алмаз Андрей Белый соединяет и с другим • соматизмом слеза (2 примера), ср.: *Кристаллы дум, алмазы слез* (Совесть. 1907); ...бежит на щеки / Сквозной / Слезой / Алмаз («Глянул / Замок / С отвеса...». Близкой, 2. 1911). Отметим более сложное соединение двух прилагательных – отыменного (от имени существительного слеза) и сложного, в состав которого входит корень алмаз-. *Уже слезливые кусты – /*

Алмазноглазы (Лето. 1904). (См. также далее о повторах лексемы слеза с прилагательным алмазный.)

4) Двумя случаями представлены сочетаемостные повторы двух соматизмов: • нос – с именем существительным кончик в структуре одного стихотворного произведения, ср.: *И клонит кончик носа* (Первое свидание. 1921); *Али-Баба; / Кончик носа / Созерцал* (Сказание об Али-Бабе. Белые стихи. 1929); • соматизм грудь – с именем существительным утес в разных текстах, написанных Андреем Белым в разные годы, ср.: *Грудь / Утесов – / В огне...* (В стране золотого руна. Трепетень. 1902–1921); *Встали груди утесов* («Золотая, эфир просветится...». Золотое руно, 1. 1903). Интересно, что в указанных случаях использована одна и та же грамматическая конструкция, представляющая собой словосочетание, построенное по модели «имя существительное + имя существительное в форме родительного падежа». Хотя лексические особенности данных контекстов различны, так как в первом случае (кончик носа) поэт использует слова в прямом значении, а во втором случае (грудь утесов) введены слова в переносном значении (на основе олицетворения неживому предмету приписываются телесные человеческие свойства).

СОЧЕТАТЕЛЬНЫЕ ПОВТОРЫ С ИМЕНАМИ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫМИ

Лексему – соматизм Андрей Белый включает в свои стихотворные тексты с одним и тем же именем прилагательным (15 контекстов).

1) Мы уже выше указывали на существенную связь в поэтическом мире Андрея Белого слез и алмаза, и поэтому закономерно • соматическую лексему слеза обнаруживаем неоднократно в синтаксической связи (согласование) с прилагательным алмазный, образованным именно от имени существительного алмаз (6 случаев):

По щекам старика / Покатились алмазные слезы (Сказка. 1902); *На щеках старика / заблистали алмазные слезы* («Средь туманного дня...». Великан, 3. 1902); *На щеках старика / заблистали алмазные слезы* (Сказка, первоначальный вариант). 1900)

и единично с обратным порядком:

И, как слезой алмазной, – плачет / Небо... (Туда. 1931).

Поэт может в своих стихотворных строках соматический объект слеза: а) обогащать при помощи ассоциативной связи со сложным прилагательным: *В алмазно-зреющих слезах* (Асе. 1916) и б) даже особенно выделять его (контактно, хотя и на разных строках стиха), соединяя с дважды повторенным описываемым именем прилагательным: *И яркая заменилась слеза – / Алмазная, алмазная Венера* («Упал на землю солнца красный круг...». 1907).

2) С именем прилагательным *снеговой* в поэзии А. Белого состыкован • соматизм *лицо* (3 конструкции): *На лице снеговом* (Не тот. 1903); *Прижму снеговое лицо* («Я в струе воздушного тока...». Безумие. 1907); *Снеговое лицо / На огнистом закате* (Зов. 1914). В эту группу можно добавить и сочетание указанного прилагательного с другой соматической лексемой *чело*, также репрезентирующей верхнюю часть лица: *Снеговое чело* (Безумец. 1904).

3) Дважды является определением прилагательное *мертвая* для • соматизма *голова* (2):

Летая мертвой головой! (Демон. Черч теней. 1929); *Взвизывая молниеносные муки / Мертвой головы* («Свисты ветряных потоков...». Брюсов, 1. 1903–1929)

и прилагательное *бескровные* для • соматизма *губы* (2):

Губы бескровные шепчут мольбу... (Одиночество. Образы. 1900); *Бескровные губы лепечут заклятья* (Священные дни. Багряница в терниях. 1901).

СОЧЕТАТЕЛЬНЫЕ ПОВТОРЫ КОМБИНИРОВАННОГО ТИПА

Сочетаемостные повторы у Андрея Белого могут быть более сложными и включать 4 и более компонента, так, кроме повторов сразу двух соматизмов (*щека* – *слеза*), наблюдаются повторы еще нескольких слов (причем в одной и той же грамматической форме), ср.:

На щеках старика / заблестали алмазные слезы («Средь туманного дня...». Великан, 3. 1902); *На щеках старика / заблестали алмазные слезы* (Сказка, первоначальный вариант. 1900).

И еще один пример:

В часовне житель гробовой / к стеклу прижался головой... / *Кроваво-красная луна / уже печальна и бледна* (Кладбище. Образы. 1898); *В часовне житель гробовой / К стеклу прижался головой; / И в стекла красные глядит* (Первое свидание. 1921).

Ср. следующий сложный повтор, где при совпадении целого ряда лексем наблюдаются не-

которые грамматические и пунктуационные отличия:

Раскатам бури снеговой / Ответствует громами эхо... / *И катится над головой – / Тяжеловесная лавина* (Встреча. В. Брюсову, 4. 1909); *В раскаты бури снеговой / Ответствует громами эхо; / И – катится над головой / Тяжеловесная лавина...* («Я обменял свой жезл змеинный...». Брюсов, 6. 1909).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный анализ показал сложную эстетическую систему А. Белого, в которой сочетаемостные повторы соматизмов с одними и теми же компонентами, вводимыми поэтом на протяжении всего творческого пути в разные стихотворные произведения для изображения многообразных поэтических картин и образов, персонажей и деталей, связывают его стихи «в единый текст» [11: 11], отображая эстетические задачи автора, целостность его исходного творческого импульса. Путем повторного включения наименований частей тела человека с определенными реалиями, явлениями, событиями действительности поэтом устанавливаются межтекстовые образные связи. Сочетаемостный повтор соматизмов в поэзии А. Белого является не только средством познания частей тела человека в процессе их называния, но и языковым приемом как для анализа соматической сферы в образно-понятийных связях, ее места в поэтическом мире А. Белого, так и для характеристики его идиостиля. В поэтических творениях, написанных в различные годы, А. Белый чаще использует сочетательные повторы соматизмов с глаголами, реже – с именами существительными и прилагательными. Излюбленными глагольными лексемами, в синтаксическое окружение с которыми неоднократно поэт включает одни те же соматические лексемы, репрезентирующие обычно верхнюю часть тела человека: *лицо*, *голова*, *нос*, являются глаголы лексико-семантической группы «изменение положения тела».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://search.ruscorpora.ru/> (дата обращения 05.02.2019).

² Белый А. Собрание стихотворений. 1914 / Изд. подгот. А. В. Лавров. М.: Наука, 1997. С. 433.

³ Лексико-семантические группы русских глаголов: Учеб. слов.-справ. / Под общ. ред. Т. В. Матвеевой. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1988. С. 32–33.

⁴ Там же. С. 30.

⁵ Белый А. Симфонии / Вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. А. В. Лаврова. Л.: Худож. лит., 1991. С. 252, 254.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Балаклеец Н. А., Фаритов В. Т. Поэтика трансгрессии в романе Андрея Белого «Петербург» // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 48. С. 116–130.
2. Гармаш Л. В. Принципы организации лейтмотивной структуры симфоний Андрея Белого // Русская филология. Укр. вестник. Харьков, 2004. № 3–4 (26). С. 50–55 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://lgarmash.narod.ru/Lejtmotive.html> (дата обращения 05.02.2019).

3. Гаспаров М. Белый-стихoved и Белый-стихотворец // Андрей Белый. Проблемы творчества: Статьи, воспоминания, публикации. М.: Сов. писатель, 1988. С. 444–469.
4. Демченко А. И. Андрей Белый: ракурсы символизма // Альманах современной науки и образования. 2016. № 4 (106). С. 37–46.
5. Долгополов Л. Андрей Белый и его роман «Петербург». Л.: Сов. писатель: Ленингр. отд-ние, 1988. 415 с.
6. Иванов Вяч. Вс. О воздействии «эстетического эксперимента» Андрея Белого (В. Хлебников, В. Маяковский, М. Цветаева, Б. Пастернак) // Андрей Белый: Проблемы творчества. М.: Сов. писатель, 1988. С. 338–366.
7. Кожевникова Н. А. Язык Андрея Белого. М.: Институт русского языка РАН, 1992. 256 с.
8. Кожевникова Н. А. Из наблюдений над неклассической («орнаментальной») прозой // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. 1976. Т. 35. № 1. С. 55–66.
9. Кожевникова Н. А. О типах повтора в прозе А. Белого // Лексические единицы и организация структуры литературного текста. Калинин: Изд-во Калининск. гос. ун-та, 1983. С. 52–70.
10. Корчагин К. М. Цезура в русской теории стиха от Мелетия Смотрицкого до Андрея Белого // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2017. Т. 11. С. 146–158.
11. Лавров Л. В. Ритм и смысл. Заметки о поэтическом творчестве Андрея Белого // Лавров Л. В. Андрей Белый: Разыскания и этюды. М.: Новое литературное обозрение, 2007. С. 9–51.
12. Лотман Ю. М. Поэтическое косноязычие Андрея Белого // Андрей Белый: Проблемы творчества. М.: Сов. писатель, 1988. С. 437–443.
13. Новиков Л. А. Стилистика орнаментальной прозы Белого. М.: Наука, 1990. 181 с.
14. Сарычев В. А. «Мне важен не человек, а его отношение к тайне» (символизм раннего Андрея Белого: теургия и этика художника) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение, журналистика. 2017. Т. 22. № 2. С. 213–227.
15. Сергеева-Клятис А. Ю. «Бывают странные сближенья»: Андрей Белый – Борис Пастернак // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2016. № 3. С. 34–40.
16. Силард Л. О структуре Второй симфонии Андрея Белого // *Studia slavica*. Budapest (Hungary). 1967. Т. XIII. № 3–4. С. 311–322.
17. Тилкес О. Православные реминисценции в Четвертой симфонии А. Белого // Литературное обозрение. 1995. № 4/5. С. 135–143.
18. Хмельницкая Т. Литературное рождение Андрея Белого. Вторая Драматическая Симфония // Андрей Белый. Проблемы творчества: Статьи. Воспоминания. Публикации. М.: Сов. писатель, 1988. С. 103–130.
19. Швецова Л. Андрей Белый и Сергей Есенин // Андрей Белый: Проблемы творчества. М.: Сов. писатель, 1988. С. 404–425.

Поступила в редакцию 12.02.2019

Olga G.Tverdokhleba, PhD in Philology, Orenburg State Pedagogical University
(Orenburg, Russian Federation)

COMBINATORIAL REPETITIONS OF SOMATISMS IN THE POETRY OF ANDREI BELY

The article summarizes some results of the study of the names of human body parts (somatisms) in the poetry of Andrei Bely. The analysis carried out in the work revealed Bely's complex aesthetic system, where intertextual figurative connections are established by re-including the names of human body parts with certain realities or events of reality (112 contexts; about 10 % of all the constructions including a somatic lexeme). The article substantiates the idea that in the poetic works of Andrei Bely repetitive combinations of somatisms with the same components, introduced by the poet throughout his creative journey into different poetic works to depict diverse poetic pictures and images, characters and details, link his poems into a "single text", reflecting the aesthetic tasks of the author and the integrity of his original creative impulse. The work focuses on the grammatical aspect of combinatorial repetitions of somatisms in Bely's poetry, which are used not only as a means of getting to know the parts of human body in the process of naming them by a poet, but also as a linguistic technique for analyzing the somatic sphere in figurative and conceptual relationships and its place in the poetic world of Andrei Bely, as well as for characterizing the poet's idiosyncrasy. The supporting illustrative material shows that in Bely's various poetic works written in different years a) he more often uses repetitive combinations of somatisms with verbs, and less often – with nouns and adjectives; b) his favorite verb lexemes, with which he repeatedly syntactically combines the same somatic lexemes, usually referring to the upper part of human body (*face, head, nose*), are the verbs from the lexico-semantic group of "body position change". The results of this research may be interesting for literary scholars and critics exploring the works of Andrei Bely, and can be used for compiling his poetic dictionary.

Keywords: Andrei Bely, somatism, repetition, associativity, compatibility

Cite this article as: Tverdokhleba O. G. Combinatorial repetitions of somatisms in the poetry of Andrei Bely. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2019. No 7 (184). P. 96–103. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.393

REFERENCES

1. Balakleets N. A., Faritov V. T. Poetics of transgression in Andrei Bely's novel *Petersburg*. *Tomsk State University Journal. Philology*. 2017. No 48. P. 116–130. (In Russ.)
2. Garmash L. V. Organizational principles of the leitmotif structure of Andrei Bely's symphonies. *Russian Philology. Ukr. Bulletin*. Kharkov. 2004. No 3–4 (26). P. 50–55. Available at: <http://lgarmash.narod.ru/Lejtmotive.html> (accessed 05.02.2019). (In Russ.)

3. Gasparov M. Bely as a poetry scholar and Belyy as a poet. *Andrei Bely. Problems of creativity: Articles, memoires, publications*. Moscow, 1988. P. 444–469. (In Russ.)
4. Demchenko A. I. Andrei Bely: angles of symbolism. *Almanac of Modern Science and Education*. 2016. No 4 (106). P. 37–46. (In Russ.)
5. Dolgoplov L. Andrei Bely and his novel *Petersburg*. Leningrad, 1988. 415 p. (In Russ.)
6. Ivanov V. V. The impact of Andrei Bely's "aesthetic experiment" (V. Khlebnikov, V. Mayakovsky, M. Tsvetaeva, B. Pasternak). *Andrei Belyy: Problems of creativity*. Moscow, 1988. P. 338–366. (In Russ.)
7. Kozhevnikova N. A. Language of Andrei Bely. Moscow, 1992. 256 p. (In Russ.)
8. Kozhevnikova N. A. Some observations of non-classical ("ornamental") prose. *Proceedings of the USSR Academy of Sciences. Literature and Language Series*. 1976. Vol. 35. No 1. P. 55–66. (In Russ.)
9. Kozhevnikova N. A. Types of repetitions in the prose of Andrei Bely. *Lexical units and the structure of the literary text*. Kalinin, 1983. P. 52–70. (In Russ.)
10. Korchagin K. M. Caesura in the Russian theory of verse from Meletius Smotrytsky to Andrei Bely. *Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute*. 2017. Vol. 11. P. 146–158. (In Russ.)
11. Lavrov L. V. Rhythm and meaning. Notes on the poetic works of Andrei Bely. *Lavrov L. V. Andrei Bely: Search and sketches*. Moscow, 2007. P. 9–51. (In Russ.)
12. Lotman Yu. M. Poetic stammering of Andrei Bely. *Andrei Bely: Problems of creativity*. Moscow, 1988. P. 437–443. (In Russ.)
13. Novikov L. A. Stylistics of Andrei Bely's ornamental prose. Moscow, 1990. 181 p. (In Russ.)
14. Sarychev V. A. "It is not the person that is important to me, but his attitude to mystery" (symbolism of early Andrei Bely's works: theurgy and ethics of the artist). *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*. 2017. Vol. 22. No 2. P. 213–227. (In Russ.)
15. Sergeeva-Klyatis A. Yu. "Some strange convergences occur": Andrei Bely – Boris Pasternak. *Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education*. 2016. No 3. P. 34–40. (In Russ.)
16. Silard L. The structure of *The Second Symphony* by Andrei Bely. *Studia Slavica. Budapest (Hungary)*. 1967. Vol. XIII. No 3–4. P. 311–322. (In Russ.)
17. Tilkes O. Orthodox reminiscences in *The Fourth Symphony* by Andrei Bely. *Literary Review*. 1995. No 4/5. P. 135–143. (In Russ.)
18. Khmel'nitskaya T. Literary birth of Andrei Bely. His *Second Dramatic Symphony*. *Andrei Bely. Problems of creativity: Articles, memoires, publications*. Moscow, 1988. P. 103–130. (In Russ.)
19. Shvetsova L. Andrei Bely and Sergey Yesenin. *Andrei Bely: Problems of creativity*. Moscow, 1988. P. 404–425. (In Russ.)

Received: 12 February, 2019